

Без должной требовательности¹

Отмечая 75-летие со дня смерти И. С. Тургенева, Учпедгиз издал в качестве пособия для учителя сборник статей о творчестве писателя. Всех статей семнадцать, принадлежат они перу семнадцати авторов. К сборнику приложен на шести страницах «Указатель важнейшей литературы о жизни и творчестве И. С. Тургенева», содержащий около ста названий.

На высоком литературоведческом уровне и вместе с тем живо, с воодушевлением написана общая статья «И. С. Тургенев – великий русский писатель-реалист» (автор С. Петров). Несмотря на сжатую форму изложения, автору удалось хорошо сочетать общую характеристику творчества Тургенева в разных его гранях с кратким, но содержательным анализом отдельных произведений, их проблематики и основных образов. Отмечая органическую связь творчества Тургенева с жизнью передового русского общества на разных ее этапах, автор рассматривает его также в тесном взаимодействии с творчеством других корифеев русской классической литературы.

Странно только, что эта общая статья о Тургеневе, которой следовало служить как бы увертюрой к сборнику, содержит ряд утверждений, противоречащих другим работам сборника. Так, касаясь «Дворянского гнезда», автор статьи справедливо замечает, что героиня романа «вся проникнута «чувством долга», ее волнует вопрос об ответственности человека перед себе подобными, что говорило о пробуждении нравственного сознания в среде русской женской молодежи» (стр. 529). В специальной же статье о «Дворянском гнезде» (автор А. Захаркин) читаем, что Лаврецкий и Лиза «терпят моральный крах» (стр. 243) и что Тургенев «осудил (!) своих героев за то, что они не смогли завоевать семейное счастье» (стр. 223). Подобные «неувязки» тем более странны, что сборник вышел, как обозначено на его титульном листе, «под общей редакцией С. М. Петрова». Как покажет дальнейшее ознакомление с сборником, эта «общая редакция» была, по-видимому, чисто формальной.

¹ «Творчество И. С. Тургенева», Учпедгиз, М. 1959, 575 стр.

Хорошим дополнением к общей статье о Тургеневе является интересная (одна из лучших в сборнике) статья о его драматургии (автор Е. Аксенова). В результате обстоятельного разбора тургеневских пьес, сделанного в живой и увлекательной форме, автор приходит к хорошо обоснованному выводу, что «в создании социально-бытовых драматических произведений» Тургенев явился предшественником Островского, но «главное завоевание тургеневского театра – это пьесы социально-психологические», подготовившие драматургию Чехова. Особый интерес представляют те страницы (174 – 182) статьи, где автор возражает против излишней – по традиции – драматизации образа Натальи Петровны Ислаевой («Месяц в деревне»).

Статья Г. Курляндской («Эстетические взгляды И. С. Тургенева») содержательна и насыщена высказываниями Тургенева, выражающими его литературное credo. Но она страдает некоторой расплывчатостью в изложении, повторениями. Например, на стр. 371 приведены строки Тургенева о том, что надо «стараться не только уловлять жизнь во всех ее проявлениях, но и понимать ее, понимать те законы, по которым она движется и которые не всегда выступают наружу». И те же строки (с повторной ссылкой на тот же источник) приведены на стр. 378. Другой недостаток статьи – странные обороты речи, например: «Тургенев давал причинную связь между конкретной общественной средой и человеком» (стр. 375); «Тургенев критически *подавал* идеалистические увлечения Рудина и всячески поощрял (?) его обращение к реальной, действительной жизни» (стр. 370).

Существенные возражения вызывает статья П. Пустовойта «Сатирические тенденции в творчестве И. С. Тургенева». Автор утверждает, что «сатирическое дарование Тургенева проявляется преимущественно в создании портретов героев и раскрытии контрастной этим портретам их сущности» (стр. 519). Но демонстрируется эта контрастность между «портретом» и «сущностью» почему-то на образе музыканта Лемма из «Дворянского гнезда», причем сам же автор оговаривается, что «ничего сатирического в портрете Лемма нет» (стр. 509). Спрашивается: зачем же было привлекать этот образ?

По недоразумению попал в эту статью и образ Петушкова (из одноименной повести Тургенева), напоминающий гоголевского Башмачкина не только смиренностью и косноязычием, как правильно замечает П. Пустовойт, но и драматизмом своей судьбы. Автор же статьи не видит в Петушкове ничего, кроме комического, и смело зачисляет его в разряд сатирических образов (стр. 495 – 496).

Маловразумительно в статье сопоставление Тургенева-сатирика с Салтыковым-Щедриним: «Органически сливаясь с основной лирической стихией, сатира в романах и повестях Тургенева, естественно, испытывала на себе сильное влияние последней. Этим она отличается от «чистой» сатиры Салтыкова-Щедрина, лишенной значительной (?) примеси лирики и поэтому более свободной и самостоятельной...» (стр. 494). Насколько можно понять, автор статьи отказывает Салтыкову-Щедрину в лиризме (или в достаточном лиризме). Но еще Ювенал сказал: «Facit indignato versum» («Порождается стих возмущением»). Да и в руководствах по теории словесности сатира всегда относилась не к эпосу, а к лирике, так что это еще вопрос, кто «лиричнее»: романист и художественный летописец Тургенев или русский Ювенал в прозе?

Содержательная статья «Тургенев и Чернышевский» (автор М. Николаев), к сожалению, не отличается той тщательностью и точностью, которые особенно желательны в подобного рода информационных работах. Например, на стр. 359 автор пишет: «Появление Базарова демократическая молодежь встретила по-разному. Неприязнь к нему особенно ярко выражена была в статье Антоновича «Асмодей нашего времени», которая появилась в журнале не без согласия Чернышевского. Резкое суждение о романе было высказано и Чернышевским. Тургенев, по его мнению, напечатал свое произведение «из литературной суетности», не понимая, что «печатает дрянь» (следует ссылка на Полн. собр. соч. Чернышевского, т. XIV, стр. 482). Мы взяли на себя труд проверить основательность этой ссылки. Слова о «литературной суетности» Тургенева и о печатании «дряни» взяты из письма Чернышевского (от 3 июня 1863 года) к его молодой родственнице Е. Пыпиной, в котором он не менее сурово

выражается и о себе самом («из того, что я писал и печатал, нет ни одной страницы, которую я не пренебрегал бы»). О романе же «Отцы и дети» в письме нет и помину.

Открывается сборник циклом статей о «Записках охотника». Первая из них (автор А. Бабореко) дает общую и в основном правильную характеристику знаменитой книги Тургенева, хотя в оценках некоторых персонажей с ней трудно согласиться. К тому же эти оценки расходятся с следующей далее статьей В. Голубкова «Идейно-художественное единство «Записок охотника». Так, А. Бабореко относит Чертопханова к тем помещикам, которых Тургенев изобразил «с глубоким сарказмом» (стр. 14), а незадачливого героя рассказа «Гамлет Щигровского уезда» считает «пустым и ничтожным» человеком (стр. 16). Сосед же Бабореко по сборнику расценивает тех же героев иначе: о первом он пишет, что в нем «самым причудливым образом сочетались душевное благородство, доброта и великодушие с дворянским гонором, заносчивостью и сумасбродством»; а о втором, что это «человек высокой культуры, оказавшийся совершенно неприспособленным к жизни, лишним в кругу богатых помещиков и сановников, которых он презирал, но от которых не мог оторваться в силу своего происхождения, воспитания и бесхарактерности» (стр. 23).

Думается, что трактовка названных персонажей в статье В. Голубкова более справедлива, но в целом статья эта не оправдывает своего ответственного заголовка. Автор пишет не об идейно-художественном единстве, а отдельно об идейном и художественном единствах «Записок охотника». Идейное единство «Записок охотника» он правильно видит в их антикрепостнической направленности. Что же касается единства художественного, то он усматривает его в манере «живой беседы с читателем» (стр. 25) и в жанре «рассказа, близкого к очерку» (стр. 28). Но ведь подобная форма применима к любому *содержанию* и с иной идейной направленностью, так что два «единства», выявленные автором, остались не слитыми.

Очень низок уровень статьи о языке и стиле «Записок охотника» (автор М. Старенков). Большая часть этой пространной статьи посвящена выявлению

в языке «Записок охотника» (и именно в авторской речи) диалектизм, просторечных слов и элементов народнопоэтической (фольклорной) речи, причем эти лексические рубрики понимаются автором статьи довольно своеобразно. Так, в первую из названных рубрик он включает и народную топонимику (Бежин луг, Малиновая вода), а также прозвища (Хорь, Бирюк, Моргач), а во вторую – такие вполне литературные слова и выражения, как *обстроился*, *ладил*, *поигрывал на балалайке*, *переваливался с боку на бок*, *сутуловат*, рта не *разинул* и т. п. (стр. 44 – 45). В общем полная солидарность с гоголевскими дамами из «Мертвых душ», которые отличались «необыкновенною осторожностью и приличием в словах и выражениях» и из разговора которых, «чтоб еще более облагородить русский язык, половина почти слов была выброшена вовсе...»

Курьезно замечание М. Старенкова о том, что при изображении животных и птиц автор «Записок охотника» «с помощью просторечий-глаголов... передает динамичность (?) их действий» (стр. 45). Иллюстрируется это наблюдение таким примером из «Льгова»: «...выстрелы дружно раздавались вслед за ними (утками), и весело было видеть, как эти кургузые птицы *кувыркались* на воздухе, тяжело *шлепались* об воду» (оба «просторечных» глагола, выражающие «динамичность» убитых уток, подчеркнуты М. Старенковым). Что касается народнопоэтической речи, то элементы ее автор статьи, не мудрствуя лукаво, усматривает в тех пословицах и поговорках, а также песенных текстах, которые нередко встречаются на страницах «Записок охотника», как и во всяком другом литературно-художественном произведении, особенно из жизни народа.

Все же остальное, что есть в прозе «Записок охотника» («наряду» (?) с означенными рубриками, как выражается М. Старенков), он называет «собственно-изобразительными средствами» (стр. 50), понимая под ними главным образом сравнения и подразделяя последние на восемь групп (или «случаев»). Чтобы иметь полное представление о стиле и логике автора статьи, приведем некоторые из рубрик этой любопытной классификации (стр. 50 – 51):

«В четвертом случае при помощи сравнений с птицами и предметами растительного мира окружающей природы автор изображает внешние черты

людей, а также их психологические состояния...» Следуют два примера, из которых в одном птицы представлены... летучей мышью: «...у Степушки уши пребольшие, прозрачные, как у летучей мыши» («Малиновая вода»).

«В пятом случае для изображения внешности лиц (?), их поведения или их психологических состояний автор черпает материал из наблюдений над домашними животными и птицами...» (Опять?)

«Наконец, в восьмом случае употребляются сравнения отвлеченного характера, отличающиеся одухотворяющим оттенком при изображении прекрасных и могущественных явлений природы».

И вот после этого, с позволения сказать, «литературоведческого этюда» в сборнике идет превосходная работа о мировом значении «Записок охотника» (автор М. Алексеев), которая служит подлинным украшением книги. Это самая крупная работа в сборнике (пять печатных листов), но вряд ли кто из читателей посетует на объем статьи, настолько она занимательна, несмотря на «сухую» подчас материю (история тех или иных переводов «Записок охотника», их сопоставление, характеристика зарубежных изданий Тургенева и проч.). Особая ценность статьи в том, что, излагая историю распространения «Записок охотника» в разных странах и влияния их на литературы этих стран, она вместе с тем много дает и в смысле более глубокого познания самих «Записок»; здесь приведены отзывы о «Записках» таких читателей, как Мериме, Флобер, Мопассан, Франс, Роллан, Голсуорси.

Нам остается отозваться еще на статьи о тургеневских романах и оповести «Муму». Увы, все они, кроме квалифицированной статьи А. Цейтлина о «Дыме», не заслуживают положительной оценки. Одни из них стоят примерно на таком же уровне, что и статья М. Старенкова; другие несколько лучше, однако не настолько, чтобы иметь право на опубликование в сборнике с тиражом в 45 000 экземпляров.

И любопытно вот что: если хорошие статьи сборника хороши каждая по-своему, то плохие статьи плохи одинаково, на один манер. Можно подумать, что авторы их вышли из одной литературоведческой «школы». О, конечно, они не

ограничиваются более или менее унылым пересказом содержания тургеневских романов. Они знают, что этого нельзя делать. Знают они и то, что, говоря об искусстве писателя, нельзя ограничиваться восторженно-заклинательными заверениями общего характера, нужен еще «анализ формы» пересказываемых произведений. Но как они это делают?

Основных категорий, которыми при этом оперируют, раскрывая тургеневскую поэтику, – четыре. Это *контраст*, пресловутая *динамика*, *портрет* и *пейзаж*, причем категории эти понимаются авторами, весьма упрощенно. Так, «контраст» в их статьях – это не только противоположность, но и вообще всякое различие (между персонажами, например). «Динамика» (иначе динамизм, динамичность) – это любое движение кого-либо или чего-либо во времени и в пространстве, независимо от силы и темпов этого движения. «Портрет» – это всякое замечание писателя о внешности персонажа, о выражении его лица в данный момент и т. п. Что касается «пейзажа», то к нему относятся не только описания природы, но и попутные упоминания о погоде, а также о том, какое было время года или часть суток.

В сборнике не оберешься разного рода анекдотов, от которых «было бы смешно, когда бы не было так грустно». Вот некоторые:

«Лиза характеризуется писателем со стороны; к внутренним монологам, к психологической детализации (?) он не прибегает, так как сам был атеистом, а переживания героини чаще всего окрашены в религиозные тона» (стр. 246).

Отмечая «светлый лиризм» «Дворянского гнезда», тот же автор тесно увязывает этот лиризм с сезоном, когда происходит действие романа: «Начинается роман описанием светлого весеннего дня, клонящегося к вечеру, затем поэтичность сопутствует (?) всем эпизодам, происходящим тоже летом (завершается действие с наступлением похолоданий), – а в эпилоге рассказывается о событиях, случившихся восемь лет спустя» (стр. 247). Выходит, что в зимнее время роман Лизы и Лаврецкого вряд ли мог состояться.

Столкновение Инсарова с пьяной компанией в Царицыне, оказывается, «призвано оттенить его внешнюю физическую (?) силу. Сцена строится

на контрасте: худощавый, среднего роста Инсаров сбрасывает в воду грубого, навязчивого великана-немца» (стр. 266). Кстати, на предыдущей странице тот же автор отмечает «физическую слабость» Инсарова.

В отличие от героев и героинь других тургеневских романов «Инсаров и Елена решают рука об руку идти до конца своей жизни». Правда, осуществлению этого решения помешала болезнь и смерть Инсарова, но ведь болезнь его «мотивирована автором. Инсаров простудился во время хлопот о паспорте для Елены» (стр. 269).

«Отсутствие глубокой внутренней жизни в Кирсанове-старшем прикрывается внешним блеском, изысканной одеждой. И напротив, огромная духовная сила и воля Базарова, твердость характер (так! – Н. П.) прикрыты неприглядным длинным балахоном с кистями» (стр. 325).

Не менее курьезны попытки лингвистического анализа, на которые отваживаются некоторые из авторов. Так, автор статьи об «Отцах и детях», характеризуя речь Базарова, пишет: «Есть в языке Евгения и ласкательные, уменьшительные слова, как, например, *местечко, наследничек, братец, мужички, песенка, денек*, которые, очевидно, были привиты ему той средой, в которой протекало его детство» (стр. 332). Выходит, что будущему нигилисту прививали в детстве какое-то сюсюканье, которое так и осталось в его речи. В той же статье базаровское выражение «для ради важности» приписано Аркадию Кирсанову (стр. 331).

Приведя то место из повести «Муму», где идет речь об отношении Герасима к Татьяне, автор статьи об этой повести (П. Липатов) пишет: «Подбор соответствующих глаголов («не обращал», «стал посмеиваться», «начал заглядываться», «глаз не опускал»), каждый из которых выражает определенное душевное состояние, в целом создает впечатление о развитии и нарастании чувства любви в душе Герасима» (стр. 154). Сказать, что писатель выражает что-либо подбором *соответствующих* глаголов или существительных, значит ничего не сказать. Кстати, пытаясь анализировать язык разбираемой повести, автор был не очень озабочен языком собственной статьи, допустив неправильный

оборот речи даже в приведенной цитате («впечатление о развитии и нарастании чувства»).

Низкий уровень упомянутых статей, как правило, сочетается с весьма «эрудированным» их видом. Особенно отличается на этот счет автор статьи о «Нови», он же редактор-составитель И. Трофимов, обставивший ее очень солидным на вид аппаратом. Дело доходит даже до излишеств. Так, беглое упоминание о том, что литератора князя Мещерского современники называли «старым шутом», сопровождается ученой ссылкой на «Рукописный отдел Государственной библиотеки имени В. И. Ленина, фонд 120, п. 8, ед. хр. 10» (стр. 446).

В статье И. Трофимова много цитат из писем Тургенева. Отдельные письма, на которые ссылается автор, есть в 12-м томе последнего издания сочинений Тургенева (Гослитиздат), равно как и в 11-м томе издания 1949 года (изд. «Правды»). Однако автор статьи о «Нови» ссылается то на одно из этих изданий, то на другое, то на первое собрание тургеневских писем (1884), то на издание «М. Стасюлевич и его современники в их переписке» и т. д.

Подобный разнобой в ссылках на источники может лишь затруднить проверку их правильности, а между тем при проверке обнаруживаются не совсем благовидные вещи. Так, на стр. 442 своей статьи И. Трофимов пишет, что автор «Нови» «уловил и ощутил в народной массе какое-то подспудное брожение, все неясное и неопределенное, которое движется в их (?) внутренностях». Следует ссылка на письмо Тургенева к Кавелину (декабрь 1876 года), но в письме этом Тургенев пишет о себе и крестьянах совсем другое, а именно: «...я не довольно тесно и близко знаю их теперь, чтобы быть в состоянии уловить то еще неясное и неопределенное, которое движется в их внутренностях...»

Несколько слов о том, как плохо выдержан учебно-педагогический характер сборника. Например, в той же статье о «Нови», приводя различные отзывы об этом романе, И. Трофимов, между прочим, сообщает: «Сурово осудил «Новь» Щедрин. Он назвал эту книгу «водевилем с переодеванием»... Сатирик запальчиво назвал «Новь» романом «в высшей степени противным и

неопрятным». «Это не роман, а бесконечная, случайная болтовня» и т. п. (стр. 467). Думается, что если уж приводить подобные отзывы (да еще столь авторитетного лица), необходимо было как-то прокомментировать их. Но никаких комментариев по этому поводу автор не дает, и можно себе представить смущение иного учителя-словесника, когда он, читая статью, дойдет до подобных сообщений.

Итак, статьи в сборнике о творчестве Тургенева крайне неравноценны. В составе книги несколько хороших и даже отличных работ, две-три посредственных, но не бесполезных для читателя. Однако больше чем на половину своего состава сборник заполнен недоброкачественным материалом. И этот материал предлагается вниманию многотысячной армии учителей-словесников, которая ежегодно имеет дело с миллионами советских школьников.

Н. ПРЯНИШНИКОВ

г. Оренбург